28. Проблема «техника и нравственность» в русской философии.

Автор: Александр
12.05.2011 14:00

(Философия техники: история и современность [Электронный ресурс] / ред. В.М. Розин ; РАН Ин-т философии. – http://www.philosophy.ru/iphras/library/filtech.html)

Человеком, в трудах которого уже в XIX веке противоречие между сущим (т.е. тем, чем является техника в нравственном отношении) и должным (т.е. тем, чем она должна быть в данном отношении) выразилось, пожалуй, с наибольшим пафосом и масштабностью, был Николай Федорович Федоров (1828-1903). Н.Ф. Федоров создан оригинальное социально-философское учение, ядро которого составил грандиозный проект, где ключевая роль в преобразовании общества согласно нравственным идеалам отводилась технике.

Считая, что «полная добродетель состоит в соединении нравственности со знанием и искусством» (а техника и есть искусство, умение), Федоров оценивает технику как благо или зло, в зависимости от того, каким целям она служит. Он опровергает распространенное представление, что техника в том виде, в каком она развивается в современную ему эпоху (вторая половина XIX века – начало XX века), позволяет человеку господствовать над природой. На самом деле, считает Федоров, технические достижения используются для удовлетворения пустых прихотей, истощая природные ресурсы; техника закрепляет и усиливает рознь между людьми (сословиями, народами), военная же техника служит самоистреблению человечества. Техника, используемая в мирных целях, также не безопасна для людей.

Отношения между людьми и людей к природе могут и должны быть заменены нравственно положительными отношениями. Сыграть ключевую роль в этом изменении призваны наука и техника, поставленные на службу «общему делу», которое соединит все человечество. Философ считал, что уже современный ему уровень развития науки и техники позволяет поставить вопрос об «общем деле», которое объединило бы все человечество в борьбе с основным злом, по сравнению с которым причины всех раздоров выглядят второстепенными. Это зло – смерть. Смерть уже умерших, смерть тех, кому еще только предстоит умереть, а также и смерть природы, отравляемой человеком.

Нравственным (морально оправданным), согласно Федорову, будет такое развитие техники, которое будет подчинено прежде всего задачам обеспечения людей

продовольствием, т.е. развития сельского хозяйства. В связи с этим он выдвигает идею «регуляции» природы, которая, в противоположность «эксплуатации и утилизации», «расхищению», «приводящему к истощению и смерти», ведет к «восстановлению жизни». Для задач регуляции (куда относится и управление метеорологическими процессами) могут быть использованы и достижения военной техники: «…задуманные учеными для взаимного истребления, могут быть обращены на спасение от голода и на избавление от войны…».

Увеличение населения Земли, которое значительно ускорится вследствие воскрешения умерших, потребует выхода за земные пределы, освоения космических пространств и их заселения. Развитие науки и техники с целью продвинуться в этом направлении – также дело положительного нравственного содержания. Оно связано не только с выполнением нравственного долга по отношению к отцам, но и с выполнением нравственного долга по отношению к природе: «…нравственность не только не ограничивается личностями, обществом, а должна распространяться на всю природу. Задача человека – морализовать все естественное, обратить слепую, невольную силу природы в орудие свободы. Смерть есть торжество силы слепой, не нравственной, всеобщее же воскрешение будет победою нравственности, будет последнею высшею степенью, до которой может дойти нравственность».

Федоров излагал свой проект как христианский и притом православный. Вместе с тем именно православный (и вообще христианский) характер проекта Федорова подвергался сомнению с позиции богословия. Например, философ и богослов Георгий Васильевич Флоровский (1893-1979) резко критиковал учение Федорова как выражающее «нехристианское мировоззрение» за «нечувствие преображения», которое (подразумевая воскрешение из мертвых) будет чудом, а не результатом развития человеком науки и техники как это «натуралистически» изображает Федоров. Флоровский ставит под сомнение и нравственное содержание Федоровского проекта. Он считает, что здесь недооценивается свобода личности, что «личность подчиняется проекту». «В системе Федорова душно, - утверждает Флоровский, - сколько бы он ни говорил о небесных телах и переселениях по звездам».

Если Н.Ф. Федоров говорил о технике и как о благе, и как о зле – в зависимости от того, как она используется, то для Сергея Сергеевича Булгакова (1871-1944) характерно сосредоточение внимания на изначально положительном характере техники как момента труда и хозяйства. При этом Булгаков, разумеется, признает, что в каких-то своих проявлениях техника может развиваться не должным образом, - те или иные проявления этого развития могут получать отрицательные с моральной точки зрения оценки. В качестве субъекта технической деятельности Булгаков, как и Федоров, рассматривает главным образом человечество в целом. Индивиды и группы в качестве

субъектов не отвергаются, но не им уделяется основное внимание философа. Булгаков говорит о технологии как о «способности проектирования и моделирования», «системе объективных действий», «совокупности всевозможных способов воздействия человека на природу в определенных, наперед намеченных целях». Технологическая деятельность понимается как хозяйственная, тесно связанная с деятельностью научной и есть в конечном счете деятельность некоего «трансцендентального субъекта», которого Булгаков характеризует и как «историческое человечество», и как «Божественную Софию». Слова Булгакова о том, что «личности суть только очи, уши, руки, органы единого субъекта знания, которому и принадлежит вся сила знания, энергия, глубина и все плоды знания», могут быть отнесены и к технике. Индивидуальность же философ считает «особым лучом» в сиянии «умного света» Софии, не ограничиваемым, но восполняемым другими индивидуальностями. В этом контексте нравственный смысл деятельности индивида в сфере техники (как

и вообще в сфере хозяйства) определяется ее «софийностью» - соответствием Софии, выступающей уже не в антропологическом плане, а в качестве идеальной основы мира. Божественная София в этом плане – органическая совокупность предвечных идей («организм идей, в котором содержатся идейные семена всех вещей») – Премудрость, которая была перед Богом при сотворении мира. Нравственное измерение хозяйственной деятельности может рассматриваться с точки зрения соответствия этой деятельности «предвечным идеям», оцениваться по тому, действительно ли результаты этой деятельности есть развитие «семян всех вещей», образующих Софию. Примечательно сходство в этом плане взгляда православного философа Булгакова с позднее развитым в трудах католического философа-неотомиста Ф. Дессауэра пониманием техники как реализации человеком Божественной идеи, а также взглядом М. Хайдеггера на технику как на становление высших возможностей бытия посредством людей.

Итак, Булгаков признает хозяйство софийным в своем основании и человеческую деятельность – могущей способствовать «влечению природы» к идеям, содержащимся в «организме» Софии. Это обусловливает положительную нравственную оценку хозяйственной (в том числе и технической) деятельности, поскольку она отвечает этим задачам. Вместе с тем философ отмечает, что, хотя хозяйство софийно в глубинном метафизическом смысле, мы не можем характеризовать как софийный хозяйственный процесс в его эмпирической оболочке (осуществляемый эмпирически ограниченным человечеством) со всеми его ошибками, уклонениями, неудачами.

В отличие от Федорова Булгаков не пытается определить единственное нравственно оправданное направление развития техники, противопоставляемое всем другим вариантам ее развития, связываемым со злом нравственным и физическим. Воспринимая

промышленный капитализм, процессы индустриализации и урбанизации как «неотменимые в их хозяйственной неизбежности», Булгаков считал необходимым «христиански осмыслить и облагородить» их. Наилучшей хозяйственной формой, полагал он, была бы та, которая «наиболее обеспечивает личную свободу как от природной бедности, так и от социальной неволи».

Тема «техника и свобода индивида» развивалась в социологических концепциях анархистов, в частности, в работах Алексея Алексеевича Борового (1875-1935), сочетавшего, как и многие представители этого направления, политическую деятельность с теоретическими занятиями. Боровой отводил технике значительную роль в реализации «центральной идеи анархизма – освобождения человеческой личности». Освобождение при этом мыслится прежде всего как независимость индивида от других людей. Социально-нравственное значение техники – не столько в том, что она увеличивает могущество человечества в целом, сколько в том, что она увеличивает могущество индивида. Высокоразвитая техника, считал Боровой, позволит сменить процесс дифференциации трудовых функций процессом их интеграции, и тогда человек «…будет в состоянии один, собственными силами произвести целиком тот продукт, в котором он нуждается. Ему не нужны будут помощники; не нужны будут специалисты в отдельных отраслях хозяйства. Он станет самодовлеющей хозяйственной единицей». Техническое бессилие отдельных личностей сменится полным техническим могуществом; необходимый продукт уже не будет пробегать через тысячи человеческих рук, чтобы достичь того, кто в нем нуждается; это создаст предпосылки для «уничтожения всяких внешних организаций, всяких принудительных учреждений».